

ЛИТЕРАТУРОЦЕНТРИЧНОСТЬ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ И БИБЛЕЙСКАЯ АКСИОЛОГИЯ

В. С. Ляху

Заокский христианский гуманитарно-экономический институт, Заокский

Предметом анализа в настоящей статье является феномен литературоцентричности отечественной культуры. Русская литература, с одной стороны, — родовое древо славянской культуры, определившее идентичность народа, с другой — явление сакральное, в ипостаси которого являет свой лик Вечность. Классика отражает в своих многомерных пластах извечный конфликт, драматическую тяжбу человека с Богом, тяжбу с самим собой и миром, в котором он живет, за нравственное самоопределение. Обращаясь к проблемам социальной действительности, русская литература моделирует художественную реальность не только в соответствии с разящей правдой обыденного, но и сообразно абсолютной мере библейских идеалов и ценностей.

Ключевые слова: Священное Писание, протестантизм, православие, культура, богословие, художественная литература.

Россия, как и Беларусь и Украина, — христианские страны. Фундаментом веры у их народов является Священное Писание, но в реальной жизни и в богослужебной практике восторжествовали не столько императивы и истины Писания, сколько «богословие в красках» (формула Е. Н. Трубецкого). Истина для православного россиянина представлена не только в литургии, но и, так сказать, в метафизических откровениях иконы. Очевидно, что в этом феномене явлена в некотором роде уникальность славянской культуры, но в то же время и ее уязвимость. В такой амбивалентной парадигме неизбежно родился другой феномен, менее всего ожидаемый: вместо библиоцентризма и подлинной христианской жизни стал закрепляться и доминировать храмоцентризм и, как следствие, обрядоверие. «Вера [у нашего современника. — В. Л.], — писал А. Рогозянский, — отнюдь не стала фактом практического сознания: нравственного, организационного, затрагивающего мотивы служения, труда и согласия. Религиозная атрибутика сплошь и рядом — иконки в доме, освященный автомобиль, литургия по воскресеньям, но нет истинной воцерковленности» [9].

Эту оценку дает не протестант, а православный человек. Такова нынешняя реальность. Замечательный афоризм «Дорога ведет к храму», полюбившийся многим после фильма Т. Е. Абуладзе «Покаяние» (1984), так и остался афоризмом, а дорога так и не привела к храму, точнее привела немногих, а к Священному Писанию — еще меньше, лишь избранных. И так было всегда в истории России, с момента крещения Руси. Даже в те века, когда Владимир загнал языческий люд мечом и крестом в Днепр, что произошло по сути? Крещение, конечно, но не подлинное. Об этом в повести Н. С. Лескова «На краю света» говорит отец Кирияк: «тело омочи водою, но сердце не просвети духом <...> одно водное крещение невежде к приобретению жизни вечной не служит. <...> Платон митрополит мудро сказал: „Владимир поспешил, а греки слукавили —

невежд ненаученных окрестили“. <...> во Христа-то мы крестимся, да во Христа не облакаемся» [7, т. 5, с. 467]. Думается, что именно отсутствием библейского просвещения объясним и тот трагический разрыв, который всегда существовал между обществом и Церковью, культурой и религией. И с веками он только обострялся и разрастался.

Между тем этот сложный, мучительный процесс не стоит оценивать сугубо негативно. Протестанты склонны давать этим явлениям одномерную оценку. Вообще протестантизм, обосновавшийся в «славянском мире» задолго до Петра-реформатора, изначально не вполне осознавал, в какие геопространства он проник. Собственно это умонастроение и практика сложились со времен Лютера, когда на Русь проникали первые миссионеры лютеране, затем повторились в Новое время, активизировались в XX веке и продолжают развиваться в веке XXI-м. В чем их суть? Понятно, что славянские народы не просвещены Писанием в должной мере, «богословие в красках» не есть полное богословие, а литургическое богослужение, как считают протестанты, не являет собой истинного поклонения и т. д. В такой логике есть рациональное зерно, правда, но она, правда эта, с горчичное зерно, быть может даже бесплодное.

В чем суть этой позиции? В одной из статей М. Каретниковой сказано: «русские писатели утверждают, что христианство на Руси не проповедано» (русское богоискательство), из чего делались далеко идущие выводы [5]. А это фактически искаженно поданная цитата из романа Лескова «Соборяне». Герой романа Савелий Туберозов говорит там совсем другое: «Три года прошло без всякой перемены в жизни. Домик свой учредил да занимался чтением отцов церкви и историков. Вывел два заключения, и оба желаю признавать ошибочными. Первое из них, что христианство еще на Руси не проповедано; а второе, что события повторяются и их можно предсказывать. О первом заключении говорил раз с отцом Николаем и был удивлен, как он это внял и согласился. „Да, — сказал он, — сие бесспорно, что мы во Христа крестились, но еще во Христа не облакались“. Значит, не я один сие вижу, а и другие видят; но отчего же им всем это смешно; а моя утроба сим до кровей возмущается» [7, т. 4, с. 59].

Протестантам если не смешно, то и горечи не так много. Чаше всего это повод воспарить духом исключительности и отправиться в эту духовную пустыню и явить здесь Евангелие. Мы «до кровей» не возмущались, но были уверены, что Россия не была просвещена, что она пребывает в болоте обрядоверия или неверия вообще, куда ее засасывает глубже и глубже. С таким подходом, однако, успеха им, право, не добиться. Почему? Тот же Лесков устами Савелия Туберозова отчасти помогает нам понять ситуацию и самих себя, подвизающихся на этой земле: «В марте месяце сего года, в проезд чрез наш город губернатора, я <...> обратился к оному сановнику с жалобой на обременение помещиками крестьян работами в воскресные дни и даже в двенадцатые праздники и говорил, что таким образом великая бедность народная еще более увеличивается, ибо по целым селам нет ни у кого ни ржи, ни овса... Но едва лишь только я это слово „овса“ выговорил, как сановник мой возгорелся на меня гне-

вом; прынул от меня, как от гадины, и закричал: „Да что вы ко мне с овсом пристали! Я вот, — говорит, — и то-то, и то-то, да и, наконец, я-де не Николай Угодник, я-де овсом не торгую!“ Этого я не должен был стерпеть и отвечал: „Я вашему превосходительству, как человеку в делах веры несведущему, прежде всего должен объяснить, что Николай Угодник был епископ и ничем не торговал. А затем вы должны знать, что православному народу нужны священник и дьякон, ибо до сих пор их одних мы еще у немцев не заимствовали“. Рассмеявшись злобным смехом на мои слова, оный правитель подсказал мне: „Не бойтесь, отец, было бы болото, а черти найдутся“. Эта последняя вещь была для меня горше первой. „Кто сии черти и что твои мерзкие уста болотом называли?“ — подумал я в гневе и, не удержав себя в совершенном молчании, отвечал сему пану, что „уважая сан свой, я даже и его на сей раз чертом назвать не хочу“. Чем же сие для меня кончилось? Ныне я бывший благочинный, и слава тебе творцу моему, что еще не бывший поп и не расстрига» [7, т. 4, с. 58]. Вот такое полное непонимание ни Руси, ни веры народа, ни сути его бед. Всё, что здесь здравого, заимствовано у немцев-лютеран. И что такое эта непросвещенная христианством Русь, если не болото, в коей не столько разумные люди, сколько черти водятся.

Такое понимание не только не продуктивно, но и опасно. Нет промежуточного звена, не за что ухватиться, нет почвы, на которой можно было бы сеять семена Евангелия. Между тем почва эта есть, и удельный вес чернозема в этом пласте русской культуры чрезвычайно ценен и значим: это русская литература, пронизанная библейской аксиологией. Благодаря ей христианство в России, сама Церковь обрели достойного союзника, который ей самой помогает раскрепоститься и демократизироваться.

Процесс этот, однако, был сложным, противоречивым, но неизменным и созидательным. С этим именно и связан был вопль Достоевского, произнесшего в конце XIX в. пророческие слова: «Гибель народу без Слова Божия». «Церковь в параличе, — записывает художник в „Дневнике писателя“, — страшно сие» [4, т. 9, с. 330; т. 15, с. 253]. Иными словами, православная Церковь в тупике, ее голос глух, практически не слышен. Достоевский своей беспощадной оценкой и писательским призыванием делает смелый шаг для того, чтобы выйти за пределы церковной ограды. «Великое Пятикнижие» писателя-метафизика упорно и созидательно пробивается к сознанию народа. Конечно, он остается верным Церкви, но осмеливается сделать именно литературу амвоном, а образы своих произведений — новыми вестниками Царства Божия. Церковь, не нашедшая способа радикально влиять на общество и реальную жизнь России, катастрофически упускала из своих рук народ, в частности интеллигенцию, молодежь, которая удалялась от нее и становилась менее управляемой и бессильной противостоять стихиям зла; самодержавное государство этому тоже способствовало.

В 1850 г., например, в Петербургском университете исключается из образовательного процесса философия как учебная дисциплина, кафедра философии закрывается. Духовные семинарии и училища в кризисе. Вспомним «Очерки бурсы» Н. Г. Помяловского с их беспощадным реализмом и правдой жизни.

В записных тетрадях Достоевского я наткнулся на ошеломляющую фразу, что семинарии нужно просто закрыть, поскольку они являются «порождением нигилитины». Впрочем, можно было бы риторически воскликнуть: если бы только нигилитины?! Например, группа семинаристов, покинувших духовное учебное заведение, создает террористическую группировку под зловещим названием «Ад». Крещеные, но не просвещенные семинаристы клянутся беспощадно бороться с самодержавием. Кризис на всех уровнях и во всех сферах российской жизни: молодежь тысячами уезжает на Запад в поисках лучшей жизни и лучшего образования; оставшиеся политизируются и радикализируются.

В этом идейном хаосе, на этой зыбкой социальной и духовной почве, в которой пребывала Россия во второй половине XIX в., рождаются новые опасные бастионы (своего рода аналоги Вавилонской башни), выстроенные отдельными писателями, которые предлагали свои рецепты спасения России от гибели. Наступают времена, когда на вечные вопросы «Кто виноват?» и «Что делать?» отвечает не Церковь и священнослужители, а писатели. Они предлагали свой, скажем так, антропологический катехизис. (Напомню, что Н. Г. Чернышевский — сын профессора семинарии, бывший блестящий семинарист.) Ситуация оказалась столь драматичной и непредсказуемой, что Достоевский, видя этот опасный крен в культуре, отнюдь не взывает к авторитету «парализованной» Церкви, а сам пытается оспорить и одолеть опасные тенденции антропоцентризма и позитивизма. Роман «Идиот» явился мощным стратегическим ответом на вызовы соратников по перу (прежде всего Чернышевского), предлагавших «новым людям» обновить и исцелить страну. Этой логике Достоевский противопоставляет «князя Христа», который должен быть письмом Христовым в бездуховном, утратившем ориентиры обществе. Литература обрела, если воспользоваться формулой Д. Андреева, «вестнический характер».

В контексте этой преамбулы мы могли убедиться, что российская культура литературоцентрична. Да, именно литература — родовое древо славянской культуры, определившее идентичность и культурный код наших народов. Поэтому в системе духовного образования богословие не должно упразднить или затенить художественную литературу, и вот почему. Вершины мировой литературы отражают в своих многомерных пластах извечный конфликт, драматическую тяжбу человека с Богом, тяжбу с самим собой и миром, в котором он живет, за нравственное самоопределение. Более того, для всякого серьезного читателя (каким и является христианин) очевидно, что русская литература, обращаясь к проблемам социальной действительности, моделирует художественную реальность не только в соответствии с разящей правдой обыденного, но и сообразно абсолютной мере библейских идеалов и ценностей. В этой связи есть основания полагать, что литература для славянского сознания есть явление сакральное, в ипостаси которого являет свой лик Божество. Евангельский дух русской, как в целом и мировой литературы, исполненной библейского универсализма, «дышит, где хочет, и голос Его слышишь, а не знаешь, откуда приходит» [Ин 3:8], но не по произволу, а в согласии с богоданным даром свободно и ответственно творить.

Художественная литература в союзе с педагогом, приобщенном к христианству, и в союзе с богословием играет в замысле Божьем о спасении человека особую созидательную роль. Священное Писание и богословие предлагают без сомнения, важное, но скорее догматическое знание, а художественная литература отображает самую жизнь в ее многообразии и перипетиях. Чтобы иметь подлинное знание о реалиях этого мира, недостаточно одного богословия. Часто священнослужитель обращается к современному человеку на сугубо религиозном, отвлеченном языке. Он глубокомысленно оперирует такими сложными понятиями, как *покаяние*, *грех*, *оправдание*, *освящение* и т. п., не озадачивая себя тем, что это почти ни о чем не говорит человеку светскому. Все эти понятия в определенном смысле умозрительны, абстрактны для светского ума, они имеют исключительно религиозную семантику. Правильное понимание назначения литературы в этом мире многое должно менять в стратегии преподавания в школе. Мы глубже начинаем понимать жизнь. Образно говоря, литература всё время норовит ухватить нас за руку, повернуть лицом к жизни и сказать: «Опуститесь с высот самомнения (или православного теологического Олимпа), уважаемые педагоги-христиане, оглянитесь вокруг себя, вот она жизнь в ее подлинности, прикоснитесь к ее бедам и злосчастиям, войдите, не боясь осквернения, в социальный карман общества, и вам ударит в лицо смрадный запах беды человеческой, ее униженности, забитости, никчемности».

Думается, что художественная литература с ее духовно-нравственными задачами присоединяется к миссии христианства как союзник в борьбе за возрождение человеческой души. Если говорить, например, о странах СНГ, где религия на протяжении долгих десятилетий была изгоем, русская и другие национальные литературы, пронизанные христианскими идеалами, не только подпитывали людей духовно, но спасали от сползания в нравственный релятивизм и деградации. Библейские, религиозно-философские идеи В. А. Жуковского, Ф. М. Достоевского, Л. Н. Толстого, Н. С. Лескова, Н. В. Гоголя, Т. Г. Шевченко из года в год своими духоносными плугами вспахивали почву людских сердец и тем самым готовили души для сеяния истин Евангелия. В этом смысле литература в нашей большой стране, укорененная в метафизических смыслах Священного Писания, — это своеобразный мост, который связывает два формально разобщенных материка: мир религиозный и мир светский. Двадцатилетняя педагогическая практика убедила меня, что приобщение к духовному наследию национальной художественной литературы несомненно принесет пользу и обычному ученику христианской школы, и студенту-теологу, будущему пастырю, и пастырю в особенности, поскольку он призван служить Господу и народу здесь, в этой стране, а не за ее рубежами. А «посредственный священник, — писал Ж. Бернанос, — уродлив» [2, с. 81], то есть его влияние на людей будет поверхностным. Начетничество и морализм, столь свойственные малообразованным молодым людям, губительны и вызывают неприязнь людей к духовенству. «Пастырь пасет не скот бессмысленный, но овец Христовых,

людей по образу Божию сотворенных... Внемли же этому, возлюбленный пастырь», — обращается Тихон Задонский к священнослужителю [10, с. 126].

У А. И. Левитова есть рассказ «Яков Петрович Сыроед», в котором повествуется о простом дьячке, получившем назначение в один из приходов в глубинке России. Народ, уставший слушать однообразные, скучные проповеди священника, от которого «слова путного... трудно было добиться», с нетерпением ждал, когда же «новый дьякон... Слово Божье велиим гласом возвестит». Первая же проповедь его вызвала несуетное оживление и восхищение: взошед «на амвон, он прочитал так, чего в церкви мы никогда и не слыхивали... Ни одной Божьей службы, — продолжает свою мысль рассказчик, — не проходило, чтобы он не говорил проповедей, и все одна другой складнее, одна другой внятнее» [6, с. 181].

Конечно, не будем обольщаться: образованность не критерий. Знание мировой литературы и богословия не заменит чуткого отношения к ребенку, но... очевидно, что всё перечисленное важно и в сумме принесет свой плод. Священнослужитель, использующий в своем «кафедральном» Слове драгоценные нравственные жемчужины, содержащиеся в многонациональной духовной и художественной литературе, обеспечивает себе прямой доступ не только к уму, но и к сердцу слушателей, которые поначалу могут воспринять его весть как навязывание все тех же застарелых, по словам Ч. Диккенса, «излюбленных своих сентенций», от которых становится тоскливо на душе, овладевает безразличие и неотступно «подкрадывается... предательский сон» [3, с. 100]. Используемые в проповеди иллюстрации и образы художественной литературы своим воздействием формируют тот психологический настрой, который поддерживает бодрость духа и нейтрализует чопорность и угловатость проповедника.

Кроме того, важно подчеркнуть, что литература, в поле зрения которой находится отдельный человек и общество, дает нам диагноз болезни социума и человека, живущего в нем, — человека, который не всегда способен увидеть и понять свое роковое, духовное состояние. Здесь уместно упомянуть, например, «Покушение на миражи» В. Тендрякова, «Плаху» Ч. Айтматова, «Апостола Павла» И. Друцэ. Необходимо знать ключевые произведения русской и зарубежной литературы, в особенности современной, ибо она раскрывает изнутри законы, по которым живет нынешнее общество. Это очень важно понять Церкви, поскольку именно теперь на гуманистическо-христианском пути общество может преодолеть свои болезни; христианин-педагог может обратить духовное зрение современника на истинного Врача. Ф. Мориак писал: «Любой романист, будь он даже отчаянно смел, приближает нас к Богу в той степени, в какой помогает нам лучше познать себя». Это значит, что любой писатель, даже тот, кто не ставит перед собой конкретных задач по обращению человека к Богу, содействует богопознанию, давая возможность обнаружить свою духовную болезнь и нужду в исцелении. «Литература, — обобщает далее Мориак, — внешне резко враждебная христианству, остается его служанкой; служат Христу даже те, кто в отличие

от писателей, на которых обрушился Ницше, упорно отказывается пасть ниц у подножия креста. Верней, Христос пользуется ими как слугами» [8, с. 327, 328].

Итак, славянская культура действительно литературоцентрична. По сути, именно в этом ее родовая особенность, которая и определила идентичность славянских народов и их культурный код. Благодаря христианству и Откровению произошло скрещение, взаимодействие и взаимообусловленность библейского кода с кодом славянской культуры. И это, вне всякого сомнения, сформировало и сам геном русского человека. При различии вкусов и предпочтений, есть, так сказать, некая базовая матрица — набор шедевров, изначально обращенных к самым разным людям. Педагог-христианин должен самостоятельно определить некую сумму произведений, которым имплицитно присущ тот самый искомый культурный код, названный библейской аксиологией, и включить их в программу. Иными словами, не отрываясь от общего духовно-нравственного ствола художественной культуры, педагоги как тонкие, профессиональные садовники должны воспользоваться не только своим чутьем, но и мощным умом-секатором и сделать чудную обрезку этого многоветвистого дерева и вывести на свободу еще одну ветвь, которая начнет разрастаться, цвести и приносить плоды в душах детей. То есть, если уйти от этой красивой метафоры, они должны внимательно погрузиться в эту сокровищницу национальной культуры и самостоятельно определить, что является исключительно важным, ценным, наконец, определяющим для современного общества и для детей, которых они воспитывают.

Список литературы

1. *Арсеньев Н. С.* О жизни переизбыточествующей. Брюссель: Жизнь с Богом, 1966. 285 с.
2. *Бернанос Ж.* Сохранять достоинство: художественная публицистика / сост. В. А. Никитин. М.: Прогресс, 1988. 435,[1] с.: ил
3. *Диккенс Ч.* Церкви лондонского Сити // Собрание сочинений: в 30 т. М.: ГИХЛ, 1962. Т. 26. С. 99–112.
4. *Достоевский Ф. М.* Собрание сочинений: в 15 т. Л.: Наука, 1988–1996. Т. 9. 692 с.; Т. 15. 856 с.
5. *Каретникова М.* Русское богоискательство // Альманах по истории русского баптизма. СПб.: Библия для всех, 1997 [электронный ресурс]. URL: <http://www.gumer.info/>. Дата обращения: 1.01.2017. Загл. с экрана.
6. *Левитов А. И.* Рассказы, очерки. Воронеж: Центр.-Чернозем. кн. изд-во, 1980. 366 с.
7. *Лесков Н. С.* Собрание сочинений: в 11 т. М.: ГИХЛ, 1956–1958. Т. 4. 518 с.; Т. 5. 598 с.
8. *Мориак Ф.* Не покоряться ночи...: художественная публицистика / сост. И. С. Ковалева, В. Е. Балахонов. М.: Прогресс, 1986. 429,[2] с.
9. Религиозная мысль в русской периодике первого-второго кварталов 2004 г. // Континент. 2004. № 121 [электронный ресурс]. URL: <http://magazines.russ.ru/>. Дата обращения: 1.01.2017. Загл. с экрана.
10. *Тихон Задонский.* Наставления о личных обязанностях каждого христианина. [М.]: Община храма Св. Духа, 1999. 172, [4] с.: портр. (Святоотеческое наследие).

Об авторе

ЛЯХУ Виктор Степанович, кандидат филологических наук, доцент кафедры лингвистики Заокского христианского гуманитарно-экономического института, Заокский; e-mail: leahu@mail.ru